

УДК 8

DOI 10.21661/r-472680

B.V. Гричанина

ФЕНОМЕН И КОНЦЕПЦИЯ ЛЮБВИ В ЛИРИКЕ Л. МАРТЫНОВА

Аннотация: в данной статье автором рассматривается концепция любви в творчестве русского поэта Л. Мартынова. Любовь, представленная в лирике поэта, рассматривается и как взаимная нежность, и как энергия борьбы и действия, которая ценится выше покоя и нежности. Авторская концепция любви предполагает выход любящих из замкнутого круга.

Ключевые слова: любовная тема, Мартынов, лирика, концепция любви.

V.V. Grichanina

THE PHENOMENON AND THE CONCEPT OF LOVE IN LYRICS BY L. MARTYNOV

Abstract: in this article the author considers the concept of love in the work of the Russian poet L. Martynov. Love, represented in the poet's lyrics, is viewed both as mutual tenderness, and as energy of struggle and action, which is valued above rest and tenderness. The author's concept of love implies the exit of lovers from a vicious circle.

Keywords: love theme, Martynov, lyrics, the concept of love.

Замечательно, что даже любовная тема освещается в произведениях Мартынова со свойственной для него склонностью к полемике. Мартынов находит многочисленные основания для расхождения, для конфликтов в сфере любви. Вот, например, в стихотворении «Две тени» (1970) любовь делает людей особенно открытыми и искренними. Открытость и искренность – это сами по себе источники счастья и вдобавок ещё необходимые условия счастья, это нередко и приводит к спору. В этом стихотворении женщина рассуждает приземлённо, прямо-линейно, а её избранник мыслит возвышенно. Заметив две тени за собой, женщина примитивно объясняет их наличием двух ламп. Никакой бесплотности, летучести в этих тенях она не различает. Герой же воспринимает эти тени как «двух

соперниц», они «как бы охвачены борьбой». Для героя суть дела не в двух лампах, а в том, что две тени возникли от души и тела. Причём, в финале поэт возвещает: «одна казалась тенью тела, была другая – тень души». Знаменательно, что тень от тела представляется герою отчасти призрачной, кажущейся, а тень от души – безоговорочно реальной. Контрастны детали внешнего поведения персонажей. Героиня проявляет капризность, даже вздорность: «и как не топай ты ногой... и что за пляски не пляши...». Герой же обаятельно одухотворён и поэтичен. Он заворожен зреющим бесплотных и летучих теней. Это воплощается, в частности, посредством рефрена: «две тени за тобой летели ... две тени за тобой летело...». «Летели – летело». Сначала герой фиксирует локальный факт, и это приводит его в смятение, а в финале происходит расширение, универсализация впечатления. Тень от души возлюбленной начинает восприниматься героем как её летящая, небесная душа. Смятение у героя проходит, и он обретает внутреннее равновесие. Спор между ним и женщиной прекращается. Ее мнение относительно теней, которые она отбрасывает, герой безоговорочно отклоняет. Ее взгляды узки и ей неведомы те высшие категории, до которых поднимается герой.

Стихотворение «Я знаю, какова любовь» (1969) поражает непреклонностью тона, категорическим утверждением собственной правоты. Стихотворение начинается и заканчивается одним и тем же восклицанием: «Я знаю, какова любовь». Логическое ударение в этой фразе можно поставить и на слове «я», и на слове «знаю». Но даже если выделять слово «знаю», то значение безоговорочной личной правоты все равно сохраняется. К оппоненту в истолковании сущности любви герой обращается на «ты», это «ты», очевидно, не женщина.

В стихотворении развернуто два представления о любви. Одно представление традиционно и принадлежит оппоненту Мартынова. Согласно этому представлению, любящие, «любовники» сосредоточены друг на друге. Они вкушают «плодов и ягод» [1, с. 362] чувственной любви. В своих отношениях они склонны также к поэзии и одухотворенности: они «под любовный купол поднимают

колокола», они поют любовные слова. Но не только взаимную нежность различает Мартынов в традиционной любви, он допускает в ней и противоборство:

И если ты не бархат гладил,
Но и с Железной Девой сладил –
Хозяйкой внутренних шипов, –
То это тоже не Любовь! [1, с. 362].

Энергию борьбы и действия Мартынов ценит выше покоя и нежности. Авторская концепция любви предполагает выход любящих из замкнутого круга. Необходим решительный разворот в мир и непреклонная борьба со всем, что не соответствует той идеальной высоте, на которую вознесла тебя любовь. Любовь исключает примирение «с твоими врагами, твоими врагинями». Любовь обостряет волю к осуществлению идеала. Она не есть данность, а есть задание. Желание «вкушать плодов ее и ягод» заведомо ошибочно. Любовь предназначена не для того, чтобы ею упиваться, а для того, чтобы строить и творить самих себя и весь мир. По проблематике и пафосу стихотворение Мартынова перекликается со знаменитым «Письмом товарищу Кострову из Парижа о сущности любви» (1927) В. Маяковского. Маяковскому «любовь не свадьбой мерить», ему «в высшей мере наплевать на купола». А ревнует он к самому Копернику, с которым стремится сравняться и даже превзойти. Любовь не зовет лирического героя Маяковского в брачный альков, а выводит его на площади и улицы, рождает дерзкие намерения и замыслы. Любовь – это «ураган, огонь, вода», перед которой малодушно отступают мещанские мечтания об уютном счастьице.

Чем же отличается мартыновское стихотворение от письма Маяковского? Маяковский остроумно высмеивает парижскую любовь, его стихотворение насыщено иронией и самоиронией. У Мартынова тон абсолютно серьезный с нотами пророчества и священного гнева. В нескольких строфах Мартынов вполне снисходительно относится к иным представлениям о любви, а потом воспламеняется негодованием к оппоненту: «Ее ты имя не порочь!» [1, с. 362]. Лирический герой Мартынова свободен от слабостей и колебаний. Он и знает, какова любовь, и в совершенстве реализует это знание. А герой Маяковского признается: «Я ж

навек любовью ранен – еле-еле волочусь». Если мартыновский герой в стихотворении «Две тени» (1970) преодолел смятение, то в стихотворении «Я знаю какова любовь» (1969) ни о каком смятении, ни о каких внутренних противоречиях речи не идет. Он монолитен и праведен.

Эта монолитность и праведность характерна для мартыновского героя и в других принципиальных положениях.

Таким же монолитным и праведным выступает лирический герой в стихотворении «Все происходит лишь однажды» (1974). Стихотворение короткое, но чрезвычайно ёмкое. В нём прослеживается и оценивается восприятие героем любви и возлюбленной. Мартынов отвечает на вопросы, есть ли в любви константы и какова динамика любви.

В первом четверостишии поэт возвещает: «Всё происходит лишь однажды!.. Но если честно говорить, всё происходит лишь от жажды случившееся повторить». Первая строка звучит афористично. Казалось бы, её смысл безоговорочен. Но тут же этот, якобы безоговорочный смысл, опровергается. Человек жаждет возобновления, возвращения, повторения случившегося. Конечно, эта потребность возобновления навеяна прежде всего опытом любви, что и подтверждается последующим ходом авторской мысли.

Но оказывается, что поэт не вполне убеждён в превосходстве возобновления над уникальностью, единственностью происходящего. Возлюбленная героя не остается равной себе, а со временем значительно изменяется: «тебя иное окружает, и стала ты сама другой...» Но герой превозмогает эти перемены, которые искажают сокровенный облик возлюбленной. Он стремится сберечь и увековечить её первоначальные черты. Он это делает и с умыслом возвышенной лести, и умыслом постижения истины. Мартынов пишет: «Но он тебя изображает, как прежде, юной и нагой». Юной и нагой герой изображает не прежнюю возлюбленную, а сегодняшнюю. Иначе говоря, он своей волей, своим моральным и эстетическим усилием распознаёт в ней эту прелесть, эти достоинства. Следовательно, случившееся повторяется. Как и в стихотворении «Я знаю, какова

любовь» (1969) Мартынов настаивает на собственном представлении о любви, которая отбрасывает стереотипное и привычное из любовного поведения.

Таким образом, первые два четверостишия по структуре аналогичные. Сначала утверждается, что события и переживания уникальны, а затем доказывается их метафизическая повторяемость.

Третье четверостишие синтаксически, вроде бы, продолжает второе. Но хотя противительный союз отсутствует, мысль поэта движется здесь не то, что в диаметрально противоположном, но в другом направлении. Начало третьей строфы перекликается с началом первых двух четверостиший. Символически показывается, как героиня в зрелые годы переходит из одного возвышенного состояния в не менее совершенное и гармоничное состояние: «С полуденного неба в алый закат нисходишь ты...». Однако финал последней строфы резко контрастирует с двумя предыдущими финалами. Поэт настаивает здесь не на повторяемости и возобновлении, а на небывалой исключительности. Героиня уже не совпадает здесь с собою, юной, а оказывается «такой прекрасно-небывалой, какой и прежде не была». Таким образом, оба исходных тезиса стихотворения здесь оспорены и в тоже время подтверждены. Конечно, всё происходит лишь однажды, но если в начале это «однажды» было стихийным и не требовало усилий, то в финале стихотворения это «однажды» уже достигается нравственной волей, творческим усилием человека. Если вначале «случившееся повторяется» в первоначальном виде, то в финале красота и прелесть возлюбленной как бы удваиваются. Первоначальный восторг сохраняется. Но к нему добавляется ещё и превышающий, небывалый восторг, который вызван сочетанием возобновлённой, прежней красоты с новой, взлелеянной красотой.

Список литературы

1. Мартынов Л. Стихотворения и поэмы. – Л.: Советский писатель, 1986.

References

1. Martynov, L. (1986). Stikhotvoreniiia i poemy. L.: Sovetskii pisatel'.

Гричанина Валерия Валентиновна – учитель русского языка и литературы МБОУ СОШ №4 с УИОП им. Г.К. Жукова, Россия, Краснознаменск.

Grichanina Valeria Valentinovna – teacher of russian language and literature of the MBEI "Comprehensive school №4 named after G.K. Jukov", Russia, Krasnoznamensk.
